

На правах рукописи
УДК 82-3(470+571)''19-20''

Воробьева Екатерина Сергеевна

**МАРГИНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ В РУССКОЙ ПРОЗЕ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛА XXI вв.**

10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Архангельск – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» в г. Северодвинске.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Николаев Николай Ипполитович

Официальные оппоненты: **Исаев Сергей Георгиевич**
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВПО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»,
гуманитарный институт, филологический
факультет, кафедра русской и зарубежной
литературы, профессор

Минеева Инна Николаевна
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВПО «Петрозаводский государственный
университет», филологический факультет,
кафедра русской литературы и журналистики,
доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет»

Защита состоится «25» марта 2016 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.008.09, созданного на базе ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», по адресу: 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17, ауд. 1220.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова www.narfu.ru.

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
профессор

Э.Я. Фесенко

Общая характеристика работы

Социокультурная ситуация второй половины XX века существенно повлияла на мировую и, в частности, русскую литературу, обусловив появление в том числе героев с новыми типологическими чертами. Мироощущение героя, ставшего свидетелем крушения прежних представлений о мире, распада привычных связей, ломки традиционных устоев, оказалось доминирующим в многочисленных произведениях рассматриваемого периода (1970-2000-е гг.).

В современном литературоведении вопросы, связанные с изменением типологических характеристик литературного героя конца XX века, практически не исследованы. Сложность задачи, по-видимому, определена главным образом отсутствием временной дистанции.

Вместе с тем, проблемы маргинального человека и маргинального мира в последние полвека активно рассматриваются в смежных гуманитарных отраслях знания (социальной философии, социологии, социальной психологии и др.). Интерес этот обусловлен процессами глобальных перемен, характерных для современного общества. В России понятие «маргинал» и проблема «маргинальности» вошли в проблемное поле науки только в последние десятилетия. В общеупотребительном значении маргинал – «это человек, находящийся в промежуточном, пограничном положении между какими-либо социальными группами (или культурами), утративший прежние социальные связи и не приспособившийся к новым условиям жизни»¹.

Указанное пограничное положение маргинала в социальной структуре делает его изучение весьма продуктивным для осмысления состояния современного общества в целом. Это обстоятельство определило интерес к нему не только в научном дискурсе, но и в художественной литературе.

В настоящее время концепция маргинальности находится в стадии своего становления и развития. Социолог Джанет Манчини выделяет в ней три направления: культурная, структурная маргинальность и маргинальность социальной роли².

С некоторыми оговорками эта классификация может быть использована и для характеристики типов героев-маргиналов в современной русской литературе. Так, выразителем культурной маргинальности является **герой-эмигрант**, оказавшийся в чужой стране и старающийся приспособиться к новым условиям жизни.

Структурную маргинальность в литературе представляет деклассированный **герой-люмпен**, живущий случайными заработками, не имеющий никаких социальных корней и отличающийся нравственными установками.

¹ Словарь иностранных слов / под ред. Н. Г. Комлева [Электронный ресурс] – М.: ЭКСМО-Пресс, 2006. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/МАРГИНАЛ

² Mancini, B.J. No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday // Intern. rev. of mod. sociology. NewDelhi, 1988. Vol 18. № 2. P. 183. Цит. по: Балабанова, Е. С. Маргинальность в современной России: коллективная монография/ Е. С. Балабанова // Научные доклады (Том 121). – МОНФ, 2000. – С. 23.

Под маргинальностью социальной роли, которую можно трактовать весьма широко, мы будем здесь иметь в виду «несоотнесенность с позитивной референтной категорией» и «членство в группах, определяемых как маргинальные» (как правило, это молодые люди, состоящие в радикально настроенных политических партиях, преследуемых правящей верхушкой и порицаемые обществом). Члены таких групп бросают вызов численно превосходящему большинству. Это **герои-бунтари**, которые пытаются бороться с системой, современным обществом, погрязшим, как им представляется, в пороках. Их цель – революция, прежде всего, затрагивающая систему базовых нравственных принципов.

Описания этих трех типов героев-маргиналов под углом зрения причин, мотивов, их актуализации в различные фазы развития современной русской прозы и составляет основное содержание нашего исследования, определяя его **предмет**. Хотя невозможно не заметить, что история маргинального героя в мировой литературе уходит вглубь столетий.

Маргинальный герой, ввиду своего пограничного положения в социальной и ценностной структуре общества, лучше всего подходит на роль индикатора изменений, происходящих в литературном сознании эпохи. Именно это обстоятельство и определяет в значительной мере **актуальность** выбранной нами темы.

На принципы отбора материала повлиял характер предмета исследования. Внимание к проблеме типологии героя современной прозы определило интерес к произведениям, в большинстве случаев, как нам представляется, являющимися художественными образцами, с наибольшей очевидностью характеризующими три этапа современной отечественной литературной истории: период расцвета литературы диссидентства и Андеграунда (70-80е годы), период распада СССР и связанные с этим разочарования (90-е годы) и, наконец, современный этап (2000-е гг). Произведения, отобранные для анализа, позволяют проследить и оценить направление эволюции героев-маргиналов в каждый из этих периодов.

В интересе к проблеме героя-маргинала в современной русской литературе, его типологических чертах, взятых в логику его развития, мы видим обоснование **новизны** нашего исследования. Работ монографического характера в интересующем нас проблемном поле в литературоведении на сегодняшний день нет. Изменение типологических черт героя-маргинала в рамках исследуемого периода, которые предполагается выявить в ходе нашего исследования, должны пролить свет на процессы, характеризующие сам этот период в истории русской литературы.

Теоретическая значимость работы заключается в отборе и систематизации научных источников по теме «маргинальность» и выстраивании подходов к изучению явления в русской литературе новейшего времени, основанных на принципах литературоведческого анализа с использованием данных, полученных в социологии. Предлагается

классификация маргинальных героев, соотнесённая с основными тенденциями современного литературного процесса.

В диссертации рассматриваются история развития и своеобразие маргинального героя в современную эпоху, выявляются его отличительные особенности в каждой фазе этого периода.

Объект исследования – современный русский литературный процесс (1970-2000-е гг.) и меняющиеся литературные представления о герое и его поступке.

Материалом для исследования служат произведения современной прозы, в которых воплощены литературные представления о маргинальном мире и маргинальном герое: С. Довлатов («Иностранка»), Вен. Ерофеев («Москва-Петушки»), А. Иличевский («Матисс»), Н. Ключарева («Россия: общий вагон»), Э. Лимонов («Это я, Эдичка»), В. Маканин («Андеграунд, или герой нашего времени»), З. Прилепин («Санья»), С. Шаргунов («Ура!») и др.

Цель исследования – научное описание и осмысление особенностей героя-маргинала в современной русской литературе, взятого в динамике исторических изменений его типологических черт.

Для достижения этой цели предполагается решение следующих **задач**:

- обоснование временных границ и круга исследуемых произведений, презентабельных для поставленных и интересующих нас вопросов;
- определение научно-методических подходов к проблеме историко-типологического своеобразия маргинального героя на разных этапах развития русской литературы;
- выявление периодов современной историко-литературной эпохи, в которые наблюдается качественные изменения типологических черт героя-маргинала;
- определение вектора изменения типологических черт русского литературного героя-маргинала в современную эпоху;
- осмысление принципиальных особенностей героя-маргинала в современной русской литературе, отличающих его от исторических предшественников;
- установление взаимосвязи между меняющимися типологическими чертами героя-маргинала современной русской литературы и основными тенденциями русского литературного процесса.

Методологическую основу диссертации определили теоретические и историко-литературные работы М. М. Бахтина, А. А. Газизовой, А. Б. Есина, Г. Л. Нефагиной, В. Е. Хализева и другие. Исследование опирается на фундаментальные положения о литературе постмодернизма, представленные в работах Н. Маньковской, И. С. Скоропановой, М. Эпштейна, И. Ильина, В. Курицына. Научные выводы формулируются с учётом наблюдений А. Газизовой, Ю. Каграманова, Н. Лейдермана, М. Липовецкого, М. Новиковой,

в области художественного осмысления маргинального мира в современной русской литературе.

Исследование опирается на историко-литературный, сравнительно-исторический и типологический **методы исследования.**

Основополагающим в работе стал филологический (литературно-критический) метод анализа художественного текста, предложенный И. А. Ильиным, предполагающий исследование произведения по трем направлениям: анализ эстетической материи (текстовой ткани), эстетического образа (образного состава) и эстетического предмета (главного замысла автора).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования её содержания и результатов в процессе формирования представления о современной литературе и ее герое у учащихся в образовательных организациях разного уровня. Материалы исследования могут быть использованы в рамках спецкурса по проблемам современного русского литературного процесса в высших учебных заведениях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Пограничное положение маргинального героя в социальном мире определяет своеобразие его исторических модификаций. Существует прямая зависимость между исторической обусловленностью художественных представлений о социальном мире, его границах и типом маргинального героя, актуального для этого времени. Типологические характеристики русского маргинального героя конца XX века во многом обусловлены концептуальными представлениями о мире эпохи постмодернизма.

2. Для русской литературы рассматриваемого периода (1970-2000-е гг.) характерны три типа маргинального героя (люмпенизированный герой, герой-эмигрант и герой-бунтарь), которые по-разному актуализируются в различные его исторические фазы.

3. Для первой фазы (1970-80-е гг.) продуктивными оказываются два типа маргинальных героев (люмпенизированный герой и герой-эмигрант). При этом, оба типа характерные для этого периода, генетически восходят к типу «маленького человека» классической эпохи русской литературы, и несут на себе его черты, с той лишь существенной разницей, что «маленький человек» поставлен здесь в маргинальное положение. Маргинализация «маленького человека» - художественное открытие литературы русского постмодернизма.

4. Люмпенизированный герой сохраняет свою актуальность и в литературе 90-х годов XX века. Он заметно утрачивает свои базовые характеристики, связывающие его с типом «маленького человека». Выстроенная и казавшаяся продуктивной в предшествующий период русской литературы концепция «маленького человека», способного сохранить ценности своего бытия исключительно в маргинальном положении, подвергается сомнению и глубокой переоценке в литературе конца 90-х гг. XX века.

5. В русской литературе начала XXI века заметно актуализируется третий тип маргинального героя (герой-бунтарь), демонстрирующий наступательный

характер поведения, несущий в себе огромную энергию, направленную на преобразование мира. Он концептуально противоположен маргинальному «маленькому человеку» 1970-80х гг. прежде всего в своём переживании универсальности ценностей своего внутреннего бытия, утверждении их трансграничной природы. Он привержен стратегии не сохранения этих ценностей внутри маленького и самодостаточного мира, а, напротив, их агрессивной экспансии в большой социальный мир.

6. Изменение базовых характеристик героя-маргинала в русской литературе последней трети XX – начала XXI связано с изменением её отношения к постмодернистской концепции мира и доминирующим в ней ценностным установкам.

Достоверность результатов исследования подтверждается анализом конкретных художественных текстов, осуществлённым на базе современных научных методов и их успешной **апробацией** на заседаниях кафедр теории и истории литературы, литературы и русского языка гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, а также на международных, всероссийских и региональных конференциях: *XXIII Ломоносовская научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и студентов, Северодвинск, 8-9 ноября 2011 г.; Студенческая научно-практическая конференция «Филологические чтения», Северодвинск, 23-24 апреля 2012 г.; XXIV Ломоносовская научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и студентов, Северодвинск, 6-7 ноября 2012 г.; Всероссийская научная конференция с международным участием «Философия современности», Омск, 5 ноября 2013 г.; XXV Ломоносовская научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов, Северодвинск, 12-13 ноября 2013 г.; Студенческая научно-практическая конференция «Филологические чтения», Северодвинск, 18 апреля 2014 г.; Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы науки», Нефтекамск, 5 декабря, 2014 г.; XIX Международной научно-практической конференции «Культура, наука и искусство в образовательном процессе современности», Казань, 24 декабря 2014 г.; Студенческая научно-практическая конференция «Филологические чтения», Северодвинск, 16 апреля 2015 г.*

Работа состоит из введения, основной части, представленной 4-мя главами, разделенными на параграфы, заключения, списка использованной литературы. Общий объем диссертации 180 страниц, библиография насчитывает 238 наименований.

Основное содержание работы

Во **введении** определяется степень изученности темы диссертации, обосновывается ее актуальность и научная новизна, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, его теоретико-методологическая база,

теоретическая и практическая значимость, научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Основная часть состоит из четырёх глав.

В Главе 1. «Маргинал» и его мир в научном и литературном дискурсе предлагается краткий обзор научно-социологических изысканий, направленный на осмысление маргинальной личности, экскурс в историю становления понятия «маргинал» в научной литературе. В главе также намечаются основные вехи истории развития маргинального героя в зарубежной и отечественной литературах. Устанавливаются три типа маргинального героя, актуальные для современной русской литературы и соотносимые с тремя видами маргинальной личности, предложенными современной социологической классификацией. Определяется круг художественных прозаических произведений современной русской литературы, который представляет каждый из этих типов героев и рекомендуется для детального анализа в последующих разделах диссертации.

Глава 2. Социокультурный маргинал в русской прозе конца XX – начале XXI вв. и «архитектонике мира его поступка» открывается своеобразным экскурсом в область современных научных представлений об особенностях литературы эпохи постмодернизма и специфике русского литературного постмодернизма. При этом отмечается, что именно с этой эпохой связано оформление терминов «маргинальный субъект», «маргинальное пространство», «маргинальное существование», которые впервые использовали французские структуралисты для обозначения идей переходности, пограничности, взаимовлияния различных структур.

Типологические особенности литературного героя определяются своеобразием эпохи, актуализировавшей его. В этом контексте не вызывает сомнения связь современного русского литературного маргинального героя с постмодернистскими установками. Это обстоятельство и обусловило содержание историко-теоретического экскурса, представленного в начале главы. В основном же она (глава) посвящена выявлению основных этапов эволюции маргинального героя в современной русской литературе. С этой целью и предпринимается анализ наиболее ярких произведений в плоскости интересующей тематики, относящихся к разным историко-литературным периодам: поэма В. Ерофеева «Москва-Петушки» (1970), роман В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), роман А. Иличевского «Матисс» (2007). Каждому из этих произведений посвящен отдельный раздел работы.

В разделе 2. 1. Герой Венедикта Ерофеева и его мир («Москва-Петушки») в центре внимания главный персонаж, Венечка, – откровенно люмпенизированный человек, но при этом с высокими духовными установками. Его свобода от профессии, постоянного места жительства, быта, семьи – не только и не столько выпадение из социума, сколько стремление обрести экзистенциальную свободу духа человеком, страдающим от неправильно устроенного мира, и потому живущим на пределе сил и

возможностей. Отсюда и пьянство как защитная реакция от пошлости и суетности бытия.

По собственному признанию Вен. Ерофеева, поэма написана «без всяких претензий...», «для семи-восьми друзей...» И в самой этой установке на читателей, состоящих только из круга «своих друзей», содержится утверждение самодостаточности своего малого человеческого мира, который внутри себя создает и сохраняет свои цели и смыслы.

«Космос» главного героя в пространственно-временном отношении весьма ограничен. Вся его «частная Вселенная» уместается между Москвой и Петушками. Связь ерофеевского Венички с «маленьким человеком» русской классической литературы несомненна. Но на этом фоне у него есть одна принципиальная особенность. Все его предшественники в русской литературной традиции вписаны в контекст большой жизни России, они часть ее культурно-исторического ландшафта, неизменный элемент ее социальной структуры, социального бытия. Веничка для того, чтобы утвердить самодостаточность своего малого мира, должен оказаться за чертой социального бытия, быть маргиналом. Его нравственные ценности могут быть выражены, могут заявить о себе только в этом состоянии. Такой концептуальный подход становится оправданием жизненной позиции маргинального героя.

В поисках истины, в надежде обрести счастье герой совершает путешествие сквозь мировую историю и культуру. Играя культурными мифами, писатель создает собственную мифологию, отражающую современное сознание, для которого характерны были постмодернистские представления о деиерархизации ценностей, плюральности, деконструкции, деонтологизации истины, иронии.

Прежде всего, мир Венички принципиально обособлен и самодостаточен. В нем есть свой Бог, свой Сатана, свой Рай, свои ангелы, своя наука, своя история литературы, культуры, свой подвижник, свой принц и свои органы дознания. Он системно самодостаточен и системно обособлен. Он принципиально отграничен от другого мира, символически представленного в поэме образом Кремля. И граница эта непроницаема.

Поэма В. Ерофеева становится оправданием маргинальности, поскольку только в этом положении и возможно духовное самостояние и поступок ее героя. Маргинальное положение человека в социальном мире, сопряженное с ценностями, смыслами, обаянием «маленького человека» и составляет художественное открытие В. Ерофеева, историческое своеобразие его героя в ряду типологически близких ему персонажей.

2. 2. Маргинальный герой в меняющемся мире (В. С. Маканин «Андеграунд, или герой нашего времени»)

Для В. С. Маканина, которого многие литературные критики называли создателем «серединного» героя, не характерен выбор столь необычного, маргинального персонажа. Н. Лейдерман и М. Липовецкий считают, что с выбором в качестве героя романа представителя «подпольной» культуры

неотделимо связана тема свободы. Маканинский герой, предшествующий его «Андеграунду...» принципиально иной. Его основная отличительная черта – нормативность. Он всегда вписан в социум, для него обязательна семья, работа, пусть и среднее, но обязательно положение в обществе. Именно «срединность», «обычность» была главной отличительной чертой маканинских персонажей. В романе «Андеграунд...» герой, Петрович, подчеркнуто асоциален, маргинален. Он и в социальном андеграунде - нигде неработающий, почти бомж; и в этическом - убил двоих; и в культурном - писатель, не напечатавший ни строки.

Само пространство, в котором пребывает герой, маргинально: общага, психбольница, метро (как подземный мир). Нарочито акцентированный образ общаги, вообще можно рассматривать как метафору всего мира. Герой же комфортно существует только в пространстве коридора.

Во всем этом угадывается набросок постмодернистского мироощущения. Неустроенный, грязный, разваливающийся мир. Андеграундный писатель Петрович, почитающий свободу как высшую ценность, и в защиту ее готовый на все, даже на убийство.

Для главного героя, бывшего писателя, а ныне сторожа Петровича, современная «общага» и её коридор являются как бы метафорой всего российского мира, как бесконечного пространства обезличенности, бездуховности, существования по стандарту, по зову простых инстинктов.

«Коридорный мир» маканинского героя отличается от «вагонного мира» Вен. Ерофеева. Последний не просто давал его герою чувство отдельности, но и полноты и самодостаточности жизни в этом мире, чего невозможно в полной мере отнести к первому. «Коридор» - это пространство между общажными клетушками и углами, он функционален, и никакая самодостаточная жизнь в нем протекать не может. Веничка В. Ерофеева в своем обособленном мире чувствует себя абсолютным хозяином, «маленьким принцем». Маканинский Петрович в своём мире существенно скромнее, он не «маленький принц», он всего лишь сторож.

В отношении к «общажному», безликому и бездуховному населению Петрович находится в положении человека со Словом и лицом Творца. Он даже разработал жизненную философию, в которой оправдывает право на преступление - философию «удара». Эта философия возникла как средство самозащиты от агрессивного мира.

Защита своего «я» и составляет главный смысл существования героя. Все в нем подчинено охранительной жизненной функции. Сторож – это не только его статус в общаге, это его жизненное кредо.

Но в результате, обособленный мир ерофеевского Венички и обособленный мир маканинского Петровича имеют больше типологических различий, чем сходств. Они и формируются разными по своей природе законами, силами. Центростремительный мир Венички охотно вбирает в себя решительно все, кроме того, что принципиально не может быть вобрано (Кремль), центробежный мир Петровича выталкивает из своей орбиты все, что

не является, не совпадает по своей природе с его «я», ограничивает его свободу. Он выталкивает даже мораль и идеалы, вышедшие из классической русской литературы, то, что казалось абсолютно неизбежным в интеллектуальной среде андеграунда.

В итоге, верный рыцарь идеалов подполья, герой «Андеграунда...», в своем подвижничестве, направленном как будто против всеобъемлющей и господствующей системы отношений, на самом деле является ее неотъемлемой частью, неотъемлемой, как ни странно, в самом своем нравственном порыве к свободе и независимости. Его кажущаяся обособленность всецело принадлежит системе.

Несоразмерность результата поступка героя и масштабов намерений поступающего, как и тогда, в XIX веке, в эпоху еще того «героя времени», создает ощущение утраты смысла, которым, по-видимому, еще владел настоящий эпический ерофеевский герой – Веничка, повествование о котором не случайно представлено в жанре поэмы.

Кризис поступка и составляет своеобразие характеристики маканинского персонажа, маргинального героя конца XX века.

В разделе 2. 3. Новый маргинальный герой в романе А. Иличевского «Матисс» подчёркивается, что в центре произведения откровенно маргинальные герои, исторический фон – «безвременье» 1990-х гг., но общее настроение, переданное в книге явно оптимистичное, нет ощущения тотальной обреченности и «тупика». Возрождается как будто бы уже утраченный русской литературой герой, который Ищет! Ищет свой путь, выход из лабиринта (он в прямом смысле блуждает по подземельям Москвы), ищет Смысл и Истину.

В этом произведении явно наблюдается смена постмодернистской парадигмы на какую-то иную, возможно «реалистическую». Это роман-поиск новых метаценностей, без их называния. Автор интуитивно пытается описать своё мироощущение, ничего не навязывая своему читателю.

А. Иличевский стремится решить проблему самоидентификации личности и идеологии в переломные эпохи истории, когда рушатся фундаментальные ценности. Автор исследует влияние кардинальной перестройки на «постсоветского человека», и то, как его главный герой, Леонид Корольев, меняет свою жизнь согласно с реалиями времени.

Он пытается осмыслить истинное состояние мира, после того исторического катаклизма, в который была ввергнута страна. При описании штурма Белого дома в 1993 году, Иличевский делает особый акцент на состоянии всеобщей паники и страха.

В какой-то момент своей жизни, герой начинает осознавать «метафизическое рабство», из которого видит один выход – побег, как поступок, который должен изменить судьбу.

Спасение приходит вместе с пониманием мира природы, в котором, по рассуждению героя, даже в снежинке «больше смысла, красоты, чего-то значимого, что объяснило бы ему, ради чего он живет, — чем в прорве людского, переполнившего этот город».

Герой романа А. Иличевского «Матисс», характерный для идейных исканий русской литературы XXI века, несёт в себе совершенно новые мотивы ухода в маргинальный мир. Для него это вовсе не способ самосохранения от агрессивного давления господствующих принципов социального мироустройства (как для Венички В. Ерофеева), и не технология, позволяющая ему встроиться в современный миропорядок, не разрушая систему ценностей своего внутреннего бытия (как для Петровича В. Маканина). Это демонстрация своего абсолютного несогласия со сложившимся миропорядком, стремление выйти за его пределы, исключить его из своей жизни, и уже за его пределами попытаться обрести смыслы и ценности, которые самим фактом своего существования указывают на возможность иного миропорядка, того, к которому герой интуитивно стремится и приближает. Это возвращение к системе представлений, в которой сохраняются «метаценности».

И, несмотря на спокойно-созерцательный характер Леонида Королёва, героя романа «Матисс», он носитель идеологии бунта, который сам называет «внутренним», но который в конечном счёте направлен на изменение всего существующего «внешнего» мира.

Таким образом, от героя 70-х г. XX в. (Вен. Ерофеев), сосредоточенного на сохранении ценностей своего внутреннего бытия к герою 90-х г. XX в. (В. С. Маканин), характеризующегося кризисом поступка, и от него к герою начала XXI в. (А. Иличевский), носителю идеологии бунта – вот основные вехи развития люмпенизированного героя русской прозы изучаемого периода. Эта тенденция находит своё подтверждение и при рассмотрении иных типов маргинального героя в художественной прозе этой же эпохи.

В Главе 3. «Этнокультурный маргинал» в русской прозе 70-80-х гг. XX века отмечается, что герой-эмигрант как носитель маргинальных черт оказался в зоне особого внимания русской литературы только третьей волны эмиграции.

Третья волна эмиграции из России возникла в конце 60-х гг. вместе с движением диссидентов, выражающих протест против тотального государственного контроля, исключаящего всякое инакомыслие. Основной, типичной причиной эмиграции творческой интеллигенции в 70-е годы стала невозможность (или крайняя затруднённость) творческой самореализации личности, сопровождающаяся нападками со стороны официальной критики. Эмигранты третьей волны искали творческой свободы.

В отличие от первых двух «волн», представители третьей волны русской эмиграции являли совершенно иную жизненную и ценностную установку. Они бежали большей частью не от физической расправы, и у них по большей части не было изначальных установок на возвращение в обновлённую (либо возрождённую) родную страну. Они (за редким исключением) изначально верили в нравственное превосходство Запада, и стремились влиться в него, стать его частью.

Писатели третьей волны эмиграции обречены были пережить шок, связанный с осознанием своей маргинальности, непричастности к тому

социальному миру, в который они безоглядно стремились. Они неожиданно ощутили себя людьми второго сорта, испытав на себе снисходительно-пренебрежительное отношение со стороны чиновников, выдающих ежемесячно материальное пособие (книга Э. Лимонова «Это я, Эдичка» изобилует описаниями подобного характера). Они стали постоянно ощущать «комплекс иностранца», который неустроен в «новой» жизни. Несбывшиеся надежды породили в русской литературе третьей волны то, чего она практически не знала в предшествующие «волны», движимые иными ценностными установками – героя-маргинала.

Нетрудно заметить, что в современной России (начиная с конца 90-х гг.) проблема эмиграции вообще уходит, поскольку завоёванная свобода перемещения снимает напряжение в этой теме. Нет ситуации рокового выбора – нет проблемы самоидентификации. Поэтому тема эмиграции в поисках Свободы и «лучшей жизни» характерна только для конца 1960-х – начала 1990-х гг.

В разделе 3. 1. Маргинальный герой Э. Лимонова («Это я, Эдичка») констатируется, что Э. Лимонов явил в своём произведении художественные установки, зарождающиеся в отечественной прозе постмодернизма как новой формы художественного сознания и представил образ эмигранта, маргинального героя современника.

Автор-герой по своей сути бунтарь, впрочем, бунтарство его достаточно своеобразное. В романе не говорится о каких-то конкретных причинах, толкнувших на противостояние героя Лимонова всему «советскому» мироустройству.

Лимонов-Савенко выступает против серости, повседневности, покорности. Все детали образа Эдички свидетельствуют об этом: его вызывающе-вычурный внешний вид, его крайне язвительные оценки, откровенно эпатажное поведение, и даже творческие порывы героя.

В романе Э. Лимонова много откровенных сцен, много ненормативной лексики, или как определяет её автор: «крепкого мужского языка», который у русских читателей вызвал шок. Герой «обитает» в чужой стране, поскольку жизнью он это прозябание даже и называть не хочет, ищет хоть что-то существенное, за что можно было бы зацепиться. В событийном плане всё, что происходит с ним, это прихоть заброшенного в большой город маленького человека. Роман насыщен описаниями гнетущего эмигрантского быта, социального дна с низкооплачиваемой работой и пустого времяпрепровождения.

Социальная маргинальность героя представляется в тексте в его чувстве одиночества и отверженности, в воспоминаниях о прошлом. И тогда, в прошлом, в стране своего исхода, и сегодня, в стране его настоящей жизни, он – человек, пребывающий вне системных социальных отношений, маргинал.

Герой романа Э. Лимонова «Это я, Эдичка» оказался вне родины, где он сознательно выводил себя за грань принятых социальных отношений как «подпольный поэт», настаивая на своём маргинальном положении. В новой

стране своего пребывания он вновь оказался маргиналом, хотя и по другим основаниям (эмигрант, «отброс общества»). Эта трагическая несовместимость его ни с одной из социальных систем, его вневременность по отношению к ним неожиданно осознается как совершенно самостоятельный его статус, как положение, в котором только и возможно обретение истинных смыслов и ценностей.

В разделе 3. 2 Героиня С. Довлатова в ситуации выбора («Иностранка») отмечается, что своим творчестве С. Довлатов продолжает традицию изображения «маленького человека».

В «Иностранке» Довлатов иронически изображает эмигрантское существование. Герои произведения явственно ощущают своё маргинальное положение: прежние связи с родиной утрачены, а новые никак не налаживаются. Эмигранты ведут обособленный образ жизни в своем квартале, создавая свой островок «советского мира», принципиально не желая или не находя возможности ассимилироваться. Им важно, с одной стороны сохранить самобытность, но с другой суметь приспособиться к жизни в инородной среде. Бывшие советские граждане интуитивно стараются держаться вместе, по возможности помогая друг другу.

Персонажи Довлатова – люди, пытающиеся выживать в новых для них условиях, с грустью вспоминая родину, но при этом не озлобившиеся и сохранившие оптимизм. Они все вместе создают свой маленький мир, самодостаточный и отделённый от всего остального мира невидимой границей.

Главная героиня Муся Татарович принадлежит к этому кругу русских эмигрантов и живёт в созвучных с ним настроениях – духовный дискомфорт в условиях чужой страны, стремление к обретению гармонии в родной среде – это все штрихи из характеристики маргинальной личности. Впрочем, её неприкаянность – черта устойчивая, заявившая о себе ещё задолго до отъезда на чужбину. Она не желает быть встроенной в систему социальных отношений мира, в котором родилась, а в другой стране, в другом мире, эта встроенность оказывается просто невозможной. Героиня обречена пребывать в своём маргинальном статусе.

Герои повести не сразу осознают преимущества своего маргинального положения. Это понимание, а вместе с ним и чувство гармонии приходит к ним в итоге, словно в награду за скитания.

Героев Э. Лимонова и С. Довлатова объединяет концептуально близкое переживание своей позиции в мире. Они существуют в некоем пространстве, зазоре между двух политических, ценностных систем глобального мира. И эта их позиция оценивается как преимущество, дающее возможность личностного самосохранения. Их пограничность, маргинальность оправдана именно этим преимуществом. Но в отличие от довлатовских персонажей, явно тяготеющих к классической концепции «маленького человека», герой Э. Лимонова несёт в себе, пусть ещё не вполне раскрытую, энергию агрессивного вмешательства в сложившийся социальный мир. И пусть эта его энергетика ещё не явно проявила себя, но в ней чувствуется черты героя, который окажется

актуальным для русской литературы через несколько десятилетий, в начале следующего XXI века.

В Главе 4. Бунтующий герой русской прозы начала XXI века внимание акцентируется на том, что в 2000-е гг. в русскую литературу вернулся деятельный, активно поступающий герой, что несомненно является маркером весьма значительных перемен. Герои начала XXI века, осознавая свою изначальную, естественную инородность в сложившемся социальном мире, «бетонную стену», разделяющую их, демонстрируют волю и недюжинную силу, разрушающую эту стену, и энергию, направленную на утверждение ценностей, обнаруженных внутри себя.

Сам протест, бунт против существующего социального миропорядка, в котором они себя позиционируют, превращает их по сути в маргинальных личностей по отношению к социальному миру, который они отказываются принимать. Но в отличие от маргиналов предшествующих периодов они иначе структурируют в своём сознании план мира, в котором они пребывают, своё место в этом мире, а, следовательно, совершенно по-другому оценивают смысл и цель своего поступка в этом мире.

В разделе 4. 1. Наступающий герой и мир Сергея Шаргунова («Ура!») указывается на связь этого произведения с русской литературной традицией изображения поступающего Героя. В жизненной установке автора, в самой стилистике явственно чувствуется влияние Эдуарда Лимонова на молодого Сергея Шаргунова. От того же Лимонова, молодой прозаик позаимствовал и дух бунтарства, и «позу» по отношению ко всему официальному. В повести «Ура!» герой Шаргунова ищет внутри себя оправдание бунту, противостоянию существующему мироустройству.

У Шаргунова все начинается с описания грехов, охвативших современный мир, и нарастающего стремления у героя их преодоления. Перемены, произошедшие в Сергее внезапны, как вспышка, он словно вмиг прозрел. Это начало внутренних изменений, которые также воздействуют на «большой» мир, так как в едином пространстве всё взаимосвязано. Это принципиально иная модель мира, нежели та, с которой мы сталкивались до сих пор.

Внутреннее составляющее героя инстинктивно рвётся наружу, завоеывая вселенную, чувствуя свою соразмерность и даже превосходство над ней. И это абсолютно новые настроения в русской литературе, отличающие её от литературы предшествующих десятилетий.

Главная их черта не стремление к самосохранению ценностей своего внутреннего бытия в условиях аморального и агрессивного в своих устремлениях мира, а, напротив, желание завоевать, обуздать мир, где господствует порок и навязать ему нравственные принципы своего внутреннего бытия.

В разделе 4. 2. Роман З. Прилепина «Санька» в контексте традиции литературного осмысления «русского бунта» предпринята попытка взглянуть на произведение современного русского автора и его героя через

призму многовековой русской традиции, чрезвычайно важной для понимания культуры и истории темы. Это позволяет раскрыть особенности её современной интерпретации и оценить своеобразие позиции героя в ряду его исторических предшественников.

Уже довольно давно замечено поразительное сходство «Саньки» с известным романом М. Горького «Мать», появившимся за 100 лет до него. Черты, роднящие «Саньку» с горьковской «Матерью» (появившейся в эпоху нарастающего социального волнения в стране), лежат на поверхности.

Оба романа сосредоточены на социально-политической борьбе своих героев, в оба произведения включены сцены расправы власть предержащих с революционерами и, наоборот, расправы революционеров с политическими противниками; сходны финалы, где люди, обречённые на арест или гибель, полны решимости пройти свой путь до конца.

Первым обращением к теме «русского бунта» можно по сложившейся традиции считать произведение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», хотя посвящено оно не столько этой теме, сколько оправданию права мщения в контексте нравственных исканий эпохи Просвещения. Поэтому у истоков литературной темы правильно было бы поставить имя А. С. Пушкина с его широко известной оценкой: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный».

Пушкинская трактовка бунта – это пробуждение темной, неведомой силы, вырастающей из бездны бессознательного, лишённого смысла, подавляющего всякую разумную человеческую волю. Он изначально противопоставлен всему разумному, богоугодному и отвергается как бесовское наваждение («заблуждение», «пьянство»).

«Мать» Горького являла собой одну из первых в русской литературе попыток концептуального оправдания бунта. Писатель представил его исключительно рационалистическую (разумную) составляющую. При этом главный акцент сделан на том, что ничего импульсивного, спонтанного в поведении героев-бунтарей нет. В героях педантично подчеркнута исключительно разумное, рациональное созидательное начало. Каждый их шаг ведёт к приближению продуманного, спроектированного будущего.

При всех очевидных сходствах с «Матерью» – герой З. Прилепина откровенно иррационален. Он движим внутренним чувством, инстинктом: «В наше время идеологичны... инстинкты! Моторика!». На вопрос «Для чего?» у Саньки нет ответа. И он не пытается его формулировать. Будущее – явно не его забота, он весь в настоящем. Он живет только обостренным чувством справедливости.

Прилепинский герой составлен из «элементов» (смыслов, идейных конструкций) уже известных русской литературной традиции. Но здесь наблюдается во многом абсолютно новая их комбинация. Что на наш взгляд интуитивно привлекает внимание современного читателя. Расстановка смысловых акцентов такова, что она позволяет говорить о совершенно новых тенденциях в осмыслении вечных русских «проклятых» вопросов.

Природа протеста героя З. Прилепина, возникающего в глубине его нравственного подсознания и направленного против несправедливо господствующего социального миропорядка, роднит его с наступающим героем «Ура!» С. Шаргунова.

В разделе 4. 3. Архитектоника мира поступка героя романа Н. Ключаревой «Россия: общий вагон» изложенные выше наблюдения находят своё логическое продолжение. Каждый из персонажей романа понимает и переживает несовершенство, несправедливость окружающего его социального мира, и в меру своих сил и понимания пытается на него влиять.

В этой книге центральная для Н. Ключаревой тема – это защита, точнее, самозащита "человеческого в человеке". Человеческие чувства её персонажей сохраняются вопреки всему и заявляют о себе в самых унижительных условиях, казалось бы, разрушающих все проявления достоинств личности. Эти чувства обнаруживают себя сначала в виде "смутных ощущений", рождающихся на "дне души", затем соединяют близких по духу людей в единое в нравственном устремлении сообщество, а в итоге превращают в силу, способную изменить социальное мироустройство.

Символический смысл названия книги Н. Ключаревой очевиден и вполне развивается в контексте русской литературной традиции. Ерофеевский Веничка тоже следовал в вагоне на пути из Москвы в Петушки. Но это был путь его личного спасения, самосохранения. Вагон героя Ключаревой становится принципиально общим для всех россиян и спастись можно тоже только всем вместе, поэтому одна судьба на всех, одни ценности. Внутренний мир героя оказался наполненным не только личными смыслами, но универсальными, общезначимыми. По мере того, как понимание этой универсальности становится неоспоримым, молодой герой обретает оправдание своего бунта, прямого воздействия на мир внешний, с которым чувствует связь и желает изменить его в лучшую сторону.

В заключении оформляются выводы относительно логики эволюции маргинального героя в русской литературе последней трети XX – начала XXI века, выявленной в ходе анализа конкретного историко-литературного материала. Правомерным представляется утверждение, что вектор его развития определён более общими процессами: утверждения в русской литературе принципов постмодернистской эстетики и последующим кризисом этого направления. Этот процесс уже обратил на себя внимание современной литературной критики и, как нам кажется, находит подтверждение в представленном выше анализе современного литературного материала. «Ситуация исчезновения метаценностей», обусловленная влиянием идей постмодернизма, сменяется в русской прозе последнего десятилетия ситуацией их настойчивого поиска и обретения. Именно эта тенденция, как представляется, и определила траекторию эволюции русского маргинального героя изучаемого периода.

Намечаются возможные направления дальнейшего развития заявленной темы исследования.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Воробьева, Е. С. З. Прилепин в контексте традиции литературного осмысления «русского бунта» / Е. С. Воробьева, Н. И. Николаев // Дискуссия. – 2013. - № 4 (34). – С. 133-136.
2. Воробьева, Е. С. Маргинал в русской литературе конца XX – начала XXI века / Е. С. Воробьева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2014. – № 5. – С. 91-98.
3. Воробьева, Е. С. Герой Венедикта Ерофеева и его мир (на материале поэмы «Москва-Петушки») / Е. С. Воробьева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. - № 1. – С. 341-344.

Публикации в других научных изданиях:

4. Воробьева, Е. С. Индивидуализм как образ жизни, внутреннее «я» как единственное мерило нравственности (на материале романа В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени») // Философия современности: материалы всероссийской научной конференции с международным участием (5 ноября 2013 г.) / под общ.ред. д-ра филол. наук, доц. О. П. Фесенко. – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2013. – С. 11-15.
5. Воробьева, Е. С. Образ героя-маргинала в романе Э. Лимонова «Это я, Эдичка» // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых – 2014. Сборник материалов конференции / Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, сост. Н. В. Баталова. – Архангельск: КИРА, 2014. – С. 47-49.
6. Воробьева, Е.С. Маргинальный мир С. Довлатова (на материале повести «Иностранка») // Актуальные проблемы науки: Материалы I Всероссийской (заочной) научно-практической конференции с международным участием (5 декабря 2014 г.); том 5 (секция «Филологические науки») / под общ.ред. А.И. Вострцова. – Нефтекамск: РИО ООО «Наука и образование», 2014. – С. 16-19.
7. Воробьева, Е. С. Взгляд на русскую литературу глазами маргинала // Интеграция мировых научных процессов как основа общественного прогресса: материалы Международных научно-практических конференций за декабрь 2014 года. Часть 1 / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. – Казань, 2014. – С. 41-45.